

Enrico COLOMBATTO

MARKETS,
MORALS,
AND POLICY-MAKING
A New Defence
of Free-Market
Economics

Routledge
Taylor & Francis Group
London and New York

Энрико КОЛОМБАТТО

РЫНКИ, МОРАЛЬ
И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ПОЛИТИКА

Новый подход
к защите экономики
свободного рынка

·МЫСЛЬ·
Москва

УДК 303.3
ББК 65.011
К61

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Перевод с английского под научной редакцией Гр. Сапова.

Коломбатто, Энрико

К61 Рынки, мораль и экономическая политика : новый подход к защите экономики свободного рынка / Э. Коломбатто ; пер. с англ. под науч. ред. Гр. Сапова. — Москва : Мысль, 2016. — 500 с.

ISBN 978-5-244-01184-4

Автор пытается подвести прочный и непротиворечивый моральный фундамент под аргументы в пользу свободного рынка, считая, что существующие подходы (неоклассический, «австрийский», «право и экономика», конституционная экономика школы общественного выбора) не справляются с этой задачей, поскольку основываются на утилитаристском аргументе более высокой эффективности рынка. При этом направленная сверху вниз социально-экономическая политика вступает в противоречие с основанными на правах представлениями о справедливости, характерными для западной традиции.

Автор показывает, что решение нужно искать в уроках шотландского Просвещения: политическая система должна обеспечивать возможность для индивидов преследовать собственные цели будучи свободными от принуждения. Это также подразумевает индивидуальную ответственность, уважение к чужим предпочтениям и к предпринимательскому чутью других людей. При таком понимании политики общественное благо не *определяется* через приоритеты лиц, разрабатывающих социально-экономическую политику, а *возникает* как результат взаимодействия самоопределяющихся индивидов. Таким образом, наиболее сильный и последовательный аргумент в пользу экономики свободного рынка базируется на моральной философии.

УДК 303.3
ББК 65.011

All rights reserved. Authorised translation from the English language edition published by Routledge, a member of the Taylor & Francis Group

ISBN 978-5-244-01184-4

© Мысль, 2016
© 2011 by Enrico Colombatto

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. ВВЕДЕНИЕ	11
1.1. Уроки кризиса	11
1.2. Ошибки современной экономической науки	15
1.2.1. Холизм и поиск нормальности	16
1.2.2. Рациональность и институционализм	17
1.3. Шотландское наследие и его судьба	19
1.4. Разрывая порочный круг институционализма	21
1.5. Экономические последствия	24
1.6. Заключительные положения	25
Глава 2. О ПРИРОДЕ И ГРАНИЦАХ ЭКОНОМИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ	29
2.1. Задание контекста	29
2.2. Когда экономическая теория не была общественной наукой	33
2.3. Экономическая наука до маржинализма: естественные законы встречаются с производством	38
2.4. Наследие классической школы: холизм, междисциплинарный характер, статика	42
2.4.1. Обольщение холизма	43
2.4.2. Соблазн индуктивизма	46
2.5. Субъективистская революция: одно потерял, другое сломалось	47
2.6. Синтез Кейнса и кейнсианцы: от долгосрочного периода к краткосрочному	50
2.7. Предварительные выводы: от естественного равновесия к общему равновесию	53
2.8. Современное состояние экономико-теоретического мейнстрима	56
2.9. Австрийская школа и вызов, брошенный ей парадигме ценности	58

ГЛАВА 3. ВРЕМЯ, РАЦИОНАЛЬНОСТЬ, СОТРУДНИЧЕСТВО	61
3.1. Одного равновесия недостаточно	61
3.2. Иллюзии экономики без времени	63
3.2.1. Отсутствие времени и природа противоциклической экономической политики	64
3.2.2. Отступление: новое вино в старые мехи	66
3.3. От методологического индивидуализма к рациональности и осознанности	68
3.3.1. Рациональность и политическое действие	69
3.3.2. Осознанность	71
3.3.3. Полезна ли индивидуальная рациональность?	74
3.3.4. Социальная и групповая рациональность	77
3.4. Следствия из индивидуальной и социальной рациональности	79
3.4.1. Об ограниченной рациональности	80
3.4.2. Проблема безбилетника	82
3.4.3. Альтруизм мнимый и альтруизм подлинный.	86
3.4.4. Культура и верования	91
ГЛАВА 4. ИНСТИТУТЫ	97
4.1. Рациональные индивиды и институты	97
4.2. Природа добровольных институтов	104
4.3. Основания принудительных норм	108
4.4. О динамике принудительных правил	114
4.5. Наследие Веблена и вызовы современного институционализма	120
ГЛАВА 5. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДОГОВОРЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ НОРМЫ	125
5.1. О производстве, надежности и стабильности норм	125
5.2. В поисках конституционных решений	128
5.3. Общественные договоры в политической сфере	133
5.3.1. Обсуждение конституционного договора	136
5.3.2. Критические соображения по поводу квазиминимального договора	141
5.4. Глубокие перемены и периодизации истории западной цивилизации	147

5.4.1. Григорианские века	149
5.4.2. Секулярный период	155
5.4.3. Эпоха социальной ответственности	159
5.5. Правила в истории: итоговый обзор.	164
5.5.1. Еще раз о недостатках контрактарианского подхода	168
5.5.2. Об искушении институционализма	170
5.5.3. Претерпевает ли разработка и реализация социально-экономической политики эволюционные изменения?	172
5.6. Программа эмпирических исследований.	175
ГЛАВА 6. ЛЕГИТИМНОСТЬ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ. ШКОЛА ПРАВА И ЭКОНОМИКИ И ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ ТРАНЗАКЦИОННЫХ ИЗДЕРЖЕК	181
6.1. Выход из замкнутого круга легитимности	181
6.2. От неоклассического институционализма к L&E	186
6.3. Что такое «транзакционные издержки»?	189
6.4. Транзакционные издержки, связанные с правами собственности: принуждение	191
6.5. Еще о транзакционных издержках, связанных с правами собственности: наделение и определение	196
6.6. Транзакционные издержки, истинные и ложные	200
6.7. Издержки обмена, институциональные издержки и социально-экономическая политика	202
ГЛАВА 7. НОРМАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПОДХОДА L&E.	205
7.1. От экономической теории транзакционных издержек к L&E Рональда Коуза	205
7.2. Первая исследовательская программа L&E и наследие институционализма	211
7.3. Второе (прагматическое) направление развития L&E	217
7.3.1. Прагматизм по версии Познера	218
7.3.2. Введение в концепцию третьего пути Ричарда Эпстайна	221
7.4. Предварительные выводы: школа L&E в истинном свете	224
7.5. Исторические перспективы «права правил»	234

7.5.1. О роли судей.	236
7.5.2. От верховенства права к праву правил	241
7.5.3. Что можно сказать о будущем?	243
ГЛАВА 8. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС:	
ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ.	247
8.1. Экономический рост и проблема счастья	247
8.1.1. От индивидуального счастья к коллективному экономическому росту	248
8.1.2. Измерение экономического роста в эпоху социальной ответственности.	250
8.1.3. Что не так с измерением?	252
8.2. О чем говорят теории экономического роста?	255
8.2.1. Три доктрины	255
8.2.2. Конвергенция	257
8.3. Наука, технология и границы научного описания на базе теорий экономического роста	259
8.4. Теории экономического роста в исторической перспективе.	261
8.5. Теория эндогенного предпринимательства.	266
8.5.1. В чем состоят ошибки австрийской концепции предпринимательства.	267
8.5.2. Что происходит, когда институты более не являются экзогенными?	271
8.6. Можно ли спасти предпринимательство?	274
8.6.1. Сумрак кейнсианства.	275
8.6.2. Предпринимательское оцепенение и роль образования	277
8.7. Долгосрочные аспекты разработки и реализации социально-экономической политики: технологии и предпринимательство	280
8.8. Экономическая политика в среднесрочном периоде: антициклическое государственное вмешательство	284
8.8.1. Антициклические меры – стратегия и результаты	285
8.8.2. Иногда причиной кризиса является случайное стечение обстоятельств.	287

8.8.3. ...а иногда — плохая наследственность, мошенничество и невнимательное прочтение.....	288
8.8.4. ...но не прикрывает жадность и слепоту	291
8.9. Уроки для надвигающегося кризиса.	292
8.10. Заключительные выводы	297
Глава 9. Бедность и процесс перехода	301
9.1. О чем эта глава.	301
9.2. Новая оценка роли культуры, поведенческих шаблонов и общественных договоров	304
9.2.1. Культура	304
9.2.2. Поведенческие шаблоны	307
9.2.3. Общественные договоры	309
9.2.4. Свойства процесса взаимодействия	311
9.3. Проблема бедности	311
9.3.1. Начнем снизу	316
9.3.2. Стремление к внеэкономической ренте.	318
9.3.3. Поворотная точка в открытых культурах и в обществах, ориентированных на достижение единой цели	323
9.4. Процесс перехода	326
9.4.1. Разные типы переходных процессов: три примера	331
9.4.2. О переходном процессе и погоне за внеэкономической рентой	335
9.5. Статус социально-экономической политики в период перехода к экономическому росту	337
9.5.1. Образование	340
9.5.2. Система правосудия	342
Глава 10. Заключительные замечания об экономико-теоретической мысли	347
10.1. Описание, объяснение, рекомендации	347
10.1.1. Описание	348
10.1.2. Объяснение	350
10.1.3. Рекомендации	354

10.2. Доброе правление и свободный рынок	355
10.2.1. Свободный рынок и личные убеждения	356
10.2.2. В чем состоит роль принципа верховенства права?	358
10.2.3. Возвращаясь к первоначальным принципам	362
10.3. От социализма к свободному рынку и обратно	364
10.3.1. Еще раз о консеквенциалистской доктрине и концепции моральности	365
10.3.2. Эпизод: неубедительная риторика свободного рынка, имевшая место в конце XX века	367
10.4. Что можно сказать о социально-экономической политике будущего?	369
Благодарности	374
Примечания	375
Библиография	465
Указатель имен	485
Предметный указатель	489

ГЛАВА 1. ВВЕДЕНИЕ

1.1. Уроки кризиса

Когда в начале 2009 г. так называемый кризис субстандартных закладных достиг своего пика, противники свободной рыночной экономики поняли, что наконец-то получили возможность вернуться на первые полосы газет. В действительности они не переставали надеяться на «интеллектуальное возвращение» в течение всего периода долгого молчания, начавшегося сразу после 1989 г., когда потерпела крах система централизованного планирования. Кризис 2007–2009 гг., как и положено всякому кризису, породил множество проигравших: в их число входят налогоплательщики, безработные, инвесторы, получатели фиксированных доходов, все те, кто, находясь в более или менее предпенсионном возрасте, внезапно обнаружили, что существенная часть накопленного состояния исчезла, либо что их пенсии будут значительно меньше того, что они ожидали. Однако существовала по меньшей мере одна категория лиц, которые в той ситуации получили чистый выигрыш. Это были политики и вообще все те, кого можно причислить к людям, устанавливающим правила игры, т.е. все те, для кого увеличение государственного вмешательства в экономику означает прямую выгоду, все те, кто всегда оправдывает увеличение государственных расходов и рост государственного регулирования. Понятно, что после паники, продлившейся несколько дней в сентябре 2008 г., политики и все, кто причастен к законодательному процессу, воспользовались открывшимися возможностями и быстро начали действовать, используя кризис как предлог для расширения государственного вмешательства и повышения своего статуса¹. По мере развертывания финансового кризиса они спешно объявляли о своей готовности подключиться, поддержать и просто-напросто спасти от банкротства те компании, крах или спасение которых были достаточно масштабными событиями, чтобы попасть в главные новости. Они задействовали агентства, уполномоченные осуществлять всестороннее международное руководство, разрабатывали и вводили новые, более качественные нормы и правила, за нарушение которых устанавливались новые, гораздо более жесткие санкции, призванные наказать тех, кого можно было причислить к «спекулянтам», и даже частично национализировали значительную часть банковского сектора.

Оказалось, однако, что в те месяцы восстановить истинную картину происходящего и в очередной раз аргументированно объяснить роль свободного рынка было достаточно легко. Вопреки пристрастным оценкам кризис 2007–2009 гг. представлял собой реакцию механизма свободного рынка на попытки государства в течение многих лет обманывать людей и регулировать цены. Не правительство, а рынок сигнализировал о том, что дело плохо², и что нужна перезагрузка процесса. Рынок никого не вводил в заблуждение — наоборот, это правительство породило у общества ошибочные представления, заверяя публику в том, что банковская система является платежеспособной и надежной, потому, что ее функционирование соответствует нормам и параметрам регулирования, которые были введены как предусмотрительным национальным правительством, так и международными агентствами, учрежденными группой государств. Что касается регулирования цен, то нет никакого сомнения в том, что, если бы и Федеральный резерв, и Европейский центральный банк не увеличивали предложение денег на 8% в год в течение нескольких лет подряд и не поддерживали процентные ставки на искусственно низком уровне, заемщики воздержались бы от принятия на себя невыполнимых обязательств, а кредиторы не пошли бы на предоставление кредитных ресурсов в виде займов столь низкого качества. Наиболее известным примером последствий такой политики может служить бум на рынке жилой недвижимости (см. [Holcombe and Powell, 2008] и [Norberg, 2009]), но этот пример далеко не единственный.

Иными словами, кризис стал результатом мягкой денежной политики, проводившейся в течение длительного времени, сомнительной практики рискованных кредитов, выдававшихся некомпетентными, жадными и в ряде случаев нечестными менеджерами, а также следствием неэффективного контроля со стороны рейтинговых агентств и других организаций, осуществлявших мониторинг указанных процессов. Разумеется, тот факт, что все эти явления имели место по обе стороны Атлантики, не дает оснований для утверждений о фатальной роли, которую якобы сыграла так называемая глобализация, как это недавно предположили некоторые авторы³. Широкое распространение кризисных явлений скорее должно стимулировать исследования той роли, которую по обе стороны океана играло государство, а также усилить интерес к изучению дефектов правовых систем, призванных пресекать случаи мошеннического поведения⁴. В отсутствие таких дефектов решение проблемы наличия убыточных компаний, в особенности компаний, возглавляемых некомпетентным руководством, будет возложено на процесс конкуренции. Однако принятию во вни-

мание вышеизложенных — и весьма простых — соображений, разъясняющих суть всей этой истории с последним кризисом, мешает тот факт, что такое объяснение неудобно для слишком большого числа тех лиц, для кого значительно более приятным и выгодным решением является игнорирование прошлого и регулирование будущего. Как это часто бывает после масштабных социальных катастроф, жертвы и виновники которых чрезвычайно многочисленны и перемешаны между собой, имеется множество причин, по которым никто не хочет углубляться в детальное выяснение того, что, в сущности, произошло. Невежество участников, изобретаемые ими определения честности, оправдывающие их позицию, и нежелание признать, что движущей силой индивидуального поведения могут быть жадность и некомпетентность, не могут быть положены в основу удовлетворительных и точных объяснений произошедшего, но они способны внести вклад в ослабление чувства личной ответственности. Поэтому обвинения раздаются либо по адресу абстрактных понятий (например, провалов рынка или эйфории и коллективной иррациональности), либо по адресу третьих сторон⁵. Все это укрепляет позиции тех, кто ратует за перераспределение убытков. Теперь ясно, что лидеры общественного мнения, как и общественные деятели в целом, поспешили перевернуть неудобную страницу истории и попросили регуляторов пообещать, что кризис больше никогда не повторится. Честно говоря, процесс выявления виновников произошедшего так и не начался, как если бы то, что произошло, было бы явлением хотя и прискорбным, но согласующимся с правилами игры, принятыми ранее, и как таковое оставалось бы приемлемым с юридической точки зрения. Экономисты тоже стремились продолжить свое участие в этой игре и поэтому поспешили примкнуть к широко разделяемой точке зрения, охарактеризованной выше. Они признали (хотя некоторые из них сделали это весьма неохотно), что нормы регулирования, задуманные как оптимальные, оказались не такими уж оптимальными, и тут же предложили институциональные реформы: введение новых ограничений на индивидуальное поведение и расширение дискреционных полномочий* для чиновников национального и международного уровня. Разные школы экономической мысли различались техническими деталями, т.е. по-разному отвечали на вопросы, как именно нужно энергично противостоять кризису и какие именно новые нормы регулирования должны

---

* Дискреционными называются права и полномочия лица или органа, позволяющие ему осуществлять действия по собственной инициативе, без каких-либо решений вышестоящих лиц, органов или других ветвей власти и без согласования с ними. — *Прим. науч. ред.*

быть разработаны и внедрены в будущем. Кажется, что одним из главных уроков, вынесенных из кризиса, стало разделяемое всеми убеждение в том, что в обществе существует некий неявный договор, легитимирующий вмешательство государства в частные сделки, осуществляемое для общего блага. Этот договор не нуждается в ратификации, но вместе с тем сфера его действия должна быть расширена, а сам он должен быть сделан более эффективным.

3 Главное содержание этой книги состоит в демонстрации того, что — вопреки вышеупомянутому убеждению — в экономике свободного рынка отсутствует общественный договор с характерными для него принудительной солидарностью и социальной рациональностью, что доктрина свободного рынка опирается скорее на моральную философию, чем на политическую целесообразность. Иными словами, сторонники свободного рынка считают, что государственное вмешательство и другие формы достижения централизованно установленного общего блага могут оспариваться на том основании, что они противоречат принципу справедливости, а не потому, что они не согласуются с критерием максимизации общественного благосостояния. Точно так же идеи свободного рынка заслуживают признания не потому, что они высокопродуктивны. Мы не отрицаем того обстоятельства, что уважение ценностей свободного рынка (т.е. уважение принципа частной собственности, соблюдение свободы контрактов и отказ от государственного вмешательства) может иметь своим следствием рост благосостояния и более эффективное достижение экономических результатов. Однако мы делаем упор на том, что экономическая эффективность не является ключевым аргументом в пользу мировоззрения свободного рынка. Мы настаиваем также на том, что, даже если честные политики и трудолюбивые бюрократы выступают за совершенствование правил и минимальное государство, этого недостаточно для того, чтобы считать их сторонниками свободного рынка. Иначе говоря, мы утверждаем, что обоснование идеи свободного рынка, базирующееся на консеквенциализме или на том, что желаемое выдается за действительное, не выдерживает критики, и сторонники такого подхода будут вынуждены принять какую-либо из версий доктрины третьего пути*.

---

* Консеквенциализм — широкий класс этических учений, в который входит утилитаризм, этический (философский) эгоизм, доктрины социального альтруизма и др., объединенных идеей, согласно которой суждение о моральности действия выводится из его результатов (последствий). Противостоит деонтологическим этическим доктринам, утверждающим, что моральность действия должна устанавливаться применительно к действию как таковому, вне зависимости от его результатов. — *Прим. науч. ред.*

1.2. Ошибки современной экономической науки

Следует заметить, что широко распространенный оппортунизм, консеквенциализм и склонность выдавать желаемое за действительное далеко не единственные проблемы, заслуживающие критического внимания. В настоящей книге мы стремились также показать, что значительная доля ответственности за всеобщее непонимание природы экономики и неумение принимать обоснованные решения в сфере экономической политики должна быть возложена на господствующую сегодня манеру экономического теоретизирования. Экономическая деятельность протекает в окружающей среде, не сводящейся к простой системе механических обменов, совершаемых рациональными индивидами, которая регулируется контрактами и для которой характерно наличие процедур принуждения, имеющих своей целью уменьшение так называемых транзакционных издержек. Среда, в которой осуществляется экономическая деятельность, имеет и социальный контекст, в котором правила игры отражают широко разделяемые и исторически обусловленные ценности. К сожалению, экономисты не слишком часто уделяют внимание оценке влияния, оказываемого этими разделяемыми ценностями. Они либо полностью игнорируют их существование, либо трактуют их как проявления «культуры», которую экономисты считают «воздействием остаточных факторов», как они называют то, что не хотят или не могут проанализировать, не говоря уже о том, чтобы объяснить. В частности, если исключить объяснения высокой экономической эффективности хорошей экономической политикой⁶ (сегодня именно в этом состоит общепринятый подход к анализу экономических явлений), то попытки экономистов объяснить последний кризис провалились из-за двух методологических дефектов экономической теории, которые представители мейнстрима в последние пятьдесят лет отказывались даже обсуждать⁷. Одним из этих дефектов является посткейнсианский сдвиг к холистическим построениям, другим – появившаяся в конце XIX столетия концепция гедонистической рациональности. В следующей главе мы покажем, как возникли и – в ходе неустанных усилий, направленных на то, чтобы экономическая теория обрела статус «настоящей», т.е. естественной науки, – набирали силу концепции холизма и гедонистической рациональности. По этой причине экономическая теория поддалась соблазнам индуктивизма и предалась поискам иллюзорной надежности и прогностической точности количественных методов.

1.2.1. Холизм и поиск нормальности

4

Строго говоря, мейнстрим совершенно определенно признает, что главными действующими лицами, определяющими то, что происходит в экономике, являются индивиды. Вместе с тем мейнстрим исходит из того, что в конечном счете наука должна формулировать общие, точные и неизменные законы, а также из того, что невозможно представить существование таких законов применительно к каждому конкретному человеческому существу (в частности, потому что каждое человеческое существо более или менее непрерывно изменяет свои конкретные особенности). Отсюда мейнстрим делает вывод, согласно которому для того, чтобы приобрести статус науки, экономическая теория с необходимостью должна создать искусственного индивида, должна сформулировать теории, которые будут применяться к этому искусственному игроку, и, наконец, должна тестировать эти теории на этом гипотетически репрезентативном агенте. Погоня за количественным подтверждением теории, получаемым на эмпирических данных, и соблазн использовать теорию для рекомендаций в сфере экономической политики еще больше сдвинули науку в этом направлении и, к сожалению, позволили легко забыть, что гипотеза о типичном индивиде должна была остаться элементом учебных пособий, каковое обстоятельство около ста лет тому назад особо подчеркивал Альфред Маршалл. К несчастью, однако, этот подход, ставший общим местом мейнстрима, поставил в центр реального мира условного типичного индивида, превратив в центральную часть целого именно эту фигуру. Иначе говоря, в качестве агентов, ставящих цели, экономисты стали рассматривать некие искусственные существа (роботов), а агрегаты проявлений таких роботов стали трактоваться как субъекты, имеющие цели и иные свойства личностей (холизм). Поэтому в результате сложилась ситуация, когда, забыв уроки, преподанные Кондорсе и Эрроу, сегодняшние экономисты часто чувствуют себя вправе устанавливать и ранжировать предпочтения, якобы имеющиеся у агрегированных величин, исследуют «поведение» общностей на основе наблюдений за их частью (т.е. за роботом) и выступают с рекомендациями о том, как достичь предписываемых («общественных») целей.

Неудивительно, что холизм открывает возможность для такой экономической политики, которая, претендуя на достижение общего интереса, считается корректировкой отклонений от нормального течения дел (при этом делается неявное допущение, согласно которому нормальное течение дел есть то, что составляет содержа-

ние ожиданий типичного экономического агента). Однако концентрируя свое внимание на агрегированных показателях, профессиональная экономическая наука упустила из виду тот факт, что экономическую деятельность с необходимостью осуществляют люди, а не роботы. Аналогичным образом, концентрация преимущественно на нормальном, т.е. неизменном течении дел, привела к тому, что большинство экономистов стали либо игнорировать индивидуальные предпочтения, либо начали рассматривать их как отклонения, а иногда и как досадные исключения из этого нормального течения дел, как случаи систематически ошибочного восприятия реальности иррациональными агентами, каковые случаи требуют коррекции, осуществляемой просвещенным технократом и политиком, действующим из благих побуждений.

1.2.2. Рациональность и институционализм

Невозможно переоценить важность понятия «нормального», в особенности когда концепция «нормальных предпочтений» рассматривается как весьма близкая к концепции «рационального поведения». Так, например, следуя концепции *Homo Oeconomicus* («человека экономического»), принадлежащей Джону Стюарту Миллю, и концепции общего экономического равновесия, разработанной Вальрасом, экономисты мейнстрима вплоть до 1970-х гг. исходили из того, что экономические агенты стремятся к достижению только материальных и количественно определенных целей, которые выражаются в терминах выгод и затрат, и из того, что все это происходит в мире, в котором транзакционные издержки отсутствуют, а выработанные контракты являются совершенными. Такие агенты считались рациональными⁸.

Нужно признать, что в последние десятилетия мейнстрим неоклассического направления пытался усовершенствовать эти весьма механистические воззрения. Однако, с одной стороны, в рамках мейнстрима не удается в полной мере уяснить смысл таких понятий, как рациональность, осознанность и альтруизм. С другой стороны, интенсивные усилия, предпринимавшиеся экономистами мейнстрима для того, чтобы инкорпорировать результаты, полученные экономистами, принадлежащими к так называемому новому институционализму, пока что еще не дали убедительных результатов⁹. Хотя институционалисты заслужили хорошую репутацию за развитие экономической теории контрактов и за вклад, внесенный ими

в понимание роли транзакционных издержек, которые далеко не так малы, чтобы ими можно было пренебречь, институционализм не дал (и не имеет поныне) никакого объяснения тому, как именно происходит развитие институтов и их взаимодействие с индивидами. В отсутствие удовлетворительной теории эволюции институтов и теории взаимодействия, экономисты либо вынуждены считать предпочтения экзогенными, признавая тем самым, что экономическая наука ничего или почти ничего не может сказать об индивидуальном поведении, и вторгаясь, поэтому, в сферу психологии, либо должны трансформировать экономическую теорию, превращая ее в индуктивную науку, в рамках которой главную роль играют статистические методы прогнозирования, а теория развивается только в режиме *ex post*. Как было указано выше, в настоящий момент обе эти разновидности достаточно полно представлены в экономической науке. С одной стороны, здесь имеются такие направления, как экспериментальная экономика и экономика сложных динамических систем*. Экономисты, работающие в рамках этих направлений, пытаются моделировать психологические паттерны, включая в круг анализируемых явлений человеческие эмоции, которые они формализуют, трактуя их как параметры некоей гедонистической экономико-теоретической игры. С другой стороны, использование количественных методов в экономической теории к настоящему моменту настолько сильно изменило исследовательский стандарт, что экономико-теоретическое исследование стало сводиться к разработке и применению все более изощренных статистических процедур. В заключение добавим, что мы не видим, чтобы увлечение понятиями рационального и институционального и расширение сферы их использования в какой-то существенной мере помогло понять, что именно происходило в экономике в последние десятилетия. Вопреки общему убеждению мы полагаем, что экономическая профессия нуждается в радикальном переосмыслении базовых элементов, лежащих в основе коллективных взаимодействий, и что сегодня настоятельно требуется углубленное критическое исследование оснований экономико-теоретических суждений и способов получения экономико-теоретических выводов, которые внесли свой вклад в ослабление личной ответственности, т.е. в ослабление ключевого элемента самой концепции свободного рынка.

---

* «Экономика сложности» (*complexity economics*) — совокупность методов, которые, как считают экономисты этого направления, позволяют использовать аппарат моделирования сложных динамических систем для воспроизведения эмоциональных реакций участников рынка. — *Прим. науч. ред.*

1.3. Шотландское наследие и его судьба

Альтернативу превращению экономической теории в раздел экономической статистики и в поставщика рекомендаций в области мер экономической политики, целью которых будет некое общее благо, можно найти в наследии плеяды шотландских авторов, определивших содержание и границы научного метода в общественных науках. Френсис Хатчесон, Давид Юм, Адам Фергюсон и их последователи рассматривали общество как часть естественного порядка, который можно назвать «божественным» (см. [Hutcheson 1726: I, V]). Однако, хотя шотландцы признавали, что планы божества находятся вне человеческого разума, они призывали людей использовать свой разум для того, чтобы понять механизм, управляющий взаимодействиями между сынами божьими, или, говоря более предметно, чтобы понять тот способ, посредством которого осуществляются спонтанные взаимодействия между людьми, а также понять, в чем состоят последствия этих взаимодействий. При таком взгляде на экономическую науку она оказывается дисциплиной, изучающей непредвиденные последствия добровольных действий индивида в условиях ограниченности ресурсов¹⁰. Эта теория была названа политической экономией именно потому, что ее предметом стала система взаимодействий, сотрудничества и координации, существующая в таком социальном контексте, который возможен лишь при определенных политических условиях.

Как уже упоминалось выше, в недавнем прошлом экономисты — и принадлежащие к профессиональному сообществу ученых, и практики — не принимали во внимание такую точку зрения на свою науку. Шотландская исследовательская программа подвергалась критической атаке с двух сторон. Один фронт образовался в конце XIX столетия, а другой возник во второй половине XX века. К критикам, относящимся к первому направлению, можно причислить Торстейна Веблена и Карла Менгера (см. [Langlois, 1989]), несмотря на то, что между ними имеются существенные расхождения практически по всем остальным вопросам, и несмотря на то, что они критикуют весьма разные аспекты шотландской парадигмы. Оба автора начинают с характерного для классического либерализма утверждения, согласно которому индивиды сформированы опытом и институтами, которые служат в качестве своеобразных ограничений действий индивида. Однако если это так, то, по мнению обоих критиков, рассмотрение функционирования экономики во всей его полноте не может игнорировать возможность того обстоятельства, что рутинные

практики и механизмы, характеризующие это функционирование, не являются постоянными, но, напротив, они всегда изменяются, поскольку изменяются общественные взаимодействия. Итак, если не предполагать постоянства этих институтов, экономическая наука требует, чтобы была сформулирована динамическая теория, описывающая тот способ, посредством которого индивиды меняют свои представления под воздействием внешних стимулов, а также того способа, которым эти изменения преобразуются в действия и в конечном счете приводят к трансформации всей системы институтов. К сожалению, Веблен, Менгер и их последователи не сильно продвинулись по этому пути и не смогли дать ответ на тот вопрос, который сами же и поставили¹¹. Поэтому Веблен продемонстрировал известную последовательность, когда в полном соответствии с этими своими воззрениями, провозгласил конец экономической теории, отказав ей в статусе общественной науки. Менгер, напротив, сосредоточился на ситуационном анализе, бывшем зеркальным отражением теории частичного экономического равновесия с той лишь поправкой, что предположение «при прочих равных» Менгер заменил гипотезой «при постоянных институтах». Вторая волна критики [шотландского подхода] имела более далеко идущие последствия. Ее авторы заявляли, что если принять утверждение, согласно которому экономическая теория изучает процессы, приводимые в движение целесообразным поведением людей (утверждение, с которым могли бы поспорить лишь самые радикальные бихевиористы), то экономическая теория с необходимостью требует ясного определения той цели или тех целей, которые преследуют экономические агенты. Таким образом, выход за пределы сделанного Дж. Ст. Миллем первоначального и судьбоносного применения концепции целесообразного поведения только к задаче увеличения материального богатства привел к тому, что концепция целесообразного поведения обернулась троянским конем, с помощью которого экономическая наука постепенно и успешно была преобразована в дисциплину, оправданием которой стала возможность проведения упражнений типа «что если». Как только такое телеологическое мировоззрение стало основой экономической мысли — а именно это случилось с экономической наукой в XX столетии, несмотря на отдельные попытки двигаться в противоположном направлении — все сомнения XIX века были просто-напросто положены на полку, где они заняли свое место среди других экспонатов истории экономической мысли. Как только индивидуальная или общественная цель считается определенной, значимое и содержательное действующее лицо превраща-

ется в лицо, разрабатывающее меры экономической политики (как в теории общественного выбора) или в судью (как в экономическом анализе права Ричарда Познера). В итоге институты стали восприниматься скорее как инструменты экономической политики, чем как прагматические и/или органические ограничения (в терминах Менгера)¹².

1.4. Разрывая порочный круг институционализма

Мы полагаем, что озабоченность в отношении проблемы институтов, выраженная Вебленом, Менгером и Хайеком, нанесла шотландской традиции значительно менее серьезный ущерб, чем это кажется на первый взгляд, и что большинство уроков шотландской школы остаются верными и сегодня, в особенности в свете того обстоятельства, что за это время профессиональными экономистами были слепо восприняты некоторые ключевые предположения. В первых главах книги мы рассмотрим эти предположения, проанализировав ряд методологических утверждений, которые принимаются без доказательств. Так, в главе 2 мы обсудим место, занимаемое концепцией равновесия в истории экономической мысли, и – в более общем плане – процесс, в ходе которого профессиональное сообщество экономистов совершило поворот к конструктивизму. Глава 3 посвящена таким понятиям, как время, рациональность, осознанность действий и альтруизм, а в главе 4 мы будем иметь дело с природой формальных институтов и проблемой их легитимации. Вторая часть книги (главы 5–7) посвящена исследованию двух главных теоретических школ, положения которых обычно озвучивают сторонники свободного рынка традиционного толка (консеквенционалисты), а именно конституционную экономику и теорию транзакционных издержек. Заключительные главы посвящены проблемам реального мира: в этих главах мы осуществляем переоценку стандартного анализа экономического роста (глава 8) и проблем бедности и переходных экономик (глава 9). Для обоих этих направлений экономической теории характерно использование двух групп предположений, которые мы кратко затронем сейчас и к которым будем неоднократно возвращаться в книге.

Первая группа предположений касается индивидуального поведения и вводит понятие неопределенности. Вопреки традиционной точке зрения индивиды, действующие в мире свободного рынка, ни

чего не максимизируют. За исключением очень короткого периода будущего, они либо игнорируют собственные цели, либо не в состоянии определить их сколько-нибудь точно. Более того, большинство решений, по меньшей мере частично, подлежат постоянному пересмотру вследствие изменений, происходящих в окружающем мире, изменений в восприятии мира экономическими агентами, изменений в системе социальных взаимодействий. Этот подход выдвигает и более реалистическое предположение, согласно которому человеческие существа стремятся увеличить степень своей удовлетворенности как посредством подражания (дешевый способ восполнения недостающей информации), так и путем проб и ошибок.

Второй набор предположений рассматривает прагматические и исторические институты и определяет условия социальных взаимодействий, в соответствии с которыми шотландское научно-методологическое наследие принимается или отвергается. Прагматические институты представляют собой сознательно полученные результаты деятельности конкретных групп. Эти группы преследуют общие цели и стремятся ограничить поведение других членов своего сообщества так, чтобы обеспечить себе привилегии и возможность присваивать бюрократическую ренту. Прагматические институты эволюционируют сравнительно быстро¹³ и развиваются по следующим двум направлениям. Первое направление задается техническим прогрессом: институты приспособляются — либо в ответ на те или иные изменения проблем, для решения которых они были (или предполагалось, что были) созданы, либо в ответ на изменения баланса сил в политических коалициях. Например, может измениться относительная сила подгрупп, формирующих элиту, или их интересы и нужды. Другой пример — прогресс военных технологий, который часто меняет количество ресурсов, необходимых для защиты авторитета и сохранения власти. Разумеется, во всех этих случаях желательность последствий соответствующих институциональных изменений устанавливается эмпирически. Нет никаких гарантий, что в ходе эволюции институты обязательно изменяются от худшего к лучшему. Второе направление эволюции прагматических институтов, или второй тип воздействий на них, порождается идеологиями, успех и степень влияния которых зависят также от удачи, особенностей экономической ситуации, манипуляций с помощью средств массовой информации и от грубых ошибок в правилах, претендующих на то, чтобы заменить собой существующие (к последним, разумеется, относится война). Вопреки большей части современной литературы по этой проблематике именно здесь реализуется прин-

цип, согласно которому прагматические институты демонстрируют весьма умеренную степень зависимости от предшествующего пути. Мы вовсе не оспариваем того факта, что события в момент $(t + 1)$ зависят от того, что происходило в момент t . Но мы отрицаем, что наблюдаемое в момент $(t + 1)$ есть единственно возможное событие, которое могло бы следовать из момента t . Равным образом мы отрицаем, что ошибка прогноза такого события имеет своей причиной только лишь отсутствие удовлетворительной теории (как это предполагается в рамках позитивистского детерминизма) или нашу неспособность читать прошлое и позволить данным говорить самим за себя (как это предполагается в рамках историцизма).

Исторические институты (термин наш) представляют собой моральные и политические основания коллективного тела¹⁴, т.е. того большого сообщества, члены которого имеют общие черты, участники того окончательного подразумеваемого соглашения, которое держит их вместе, и те правила игры, которые управляют его функционированием и конечными целями, как это понимается или ощущается подавляющим большинством его составных частей. В этом контексте важную роль играют такие чувства, как, например, зависть и нечестность (см. [Schoeck, 1966], [Шёк, 2010]), что имеет свои последствия для лиц, осуществляющих экономическую политику, в виде перераспределения и нарушения прав частной собственности в качестве элементов этой социальной роли. Или, иначе говоря, исторические институты формируют великий ситуационный контекст, в рамках которого создаются и затем модифицируются прагматические институты. Во времени исторические институты меняются очень редко, они не демонстрируют такие свойства, как зависимость от предшествующего пути, и оказывают глубокое воздействие на природу социальных взаимодействий, равно как и на ту роль, которую играет политическая власть. Когда мы имеем дело с подавляющим большинством людей, разделяющих общую систему ценностей, то сеть исторических институтов оказывается достаточно широкой для того, чтобы абсорбировать политические изменения и экономические потрясения¹⁵. Если такого условия нет и подавляющее большинство людей с одной и той же системой ценностей отсутствует, общество теряет свою легитимность и распадается, иногда насильственным образом (т.е. в результате гражданской войны), в других случаях относительно благополучно, если подгруппы стараются сформировать исторические институты, которые могли бы позволить достичь коллективного соглашения. Очевидными примерами здесь могут служить мирная сецессия (выделение одного госу-

дарства из другого) и мирное разделение одного государства на ряд самостоятельных политических образований.

1.5. Экономические последствия

Эта концептуальная схема, без сомнения, полностью согласуется с шотландской традицией, в соответствии с которой акты экономического поведения индивидов формируются их опытом (см. [Marciano, 2006]), а также чувствами, которые они испытывают в отношении своего собственного поведения (см. [Stein, 1980: 9, 10]). События прошлого оказывают воздействие и на способы, которыми экономические агенты воспринимают реальность, и на значение термина «благополучие» (этим подтверждается точка зрения, согласно которой этика представляет собой относительную категорию). Воздействие всех этих факторов воплощается в наборах «рутинных поведенческих практик», определяющих способы, которыми действуют экономические агенты (при заданных и присущих им «психологических паттернах» и при нормативных ограничениях на действия экономических агентов)¹⁶.

Иначе говоря, к психологическим паттернам применяется принцип достаточной причинности (осознанность выбора), поскольку именно они отражают предпочтения, инстинкты и склонности. В отличие от них рутинные поведенческие практики включают в себя также механизмы действительной причинности (предсказуемые реакции на экзогенные стимулы). Получается, что экономическая теория, действительно, должна изучать причинно-следственные связи, но она также должна изучать достаточную причинность, проводя различие между этим типом причинности и сетью исторических институтов. Отсутствие внимания ко второму объекту изучения не позволяет достичь понимания первого.

По поводу границ экономической политики в последующих главах утверждается, что компромисс между естественными правами, типичными для версии свободного рынка, определенной в п. 1.1, с одной стороны, и соответствующим законодательством верхнего уровня – с другой, почти невозможен, настолько узко пространство для такого компромисса. В этой связи нужно упомянуть о существовании двух типов конституции. К первому типу относятся попытки формализовать историко-институциональный контекст, имеющийся на определенный момент времени, – с тем чтобы оживить консенсус и увеличить степень согласия между разными политическими

группировками. Обычно итогом этих попыток является список пожеланий, очевидно плохо реализуемых на практике, либо по причине избыточности (так как реальная конституция уже воплощает в себе множество исторически определенных институтов), либо потому, что эти пожелания по необходимости допускают множество разных толкований, так что каждая политическая группировка стремится интерпретировать их в зависимости от ситуации. Однако на практике такие конституции служат своей цели, оправдывая положение элиты, в особенности в ситуациях, когда нахождение этой элиты у власти не гарантировано и остро нуждается в дополнительной легитимации. В соответствии с нашей аргументацией, приведенной выше, мера успешности, в которой эти попытки могут увенчаться успехом, определяется историческими условиями.

Второй тип конституций имеет дело с политическими процедурами, т.е. с правилами игры, с которыми должны соглашаться конкурирующие группы разработчиков правил. Вопреки тому, что утверждается в современной литературе (там часто утверждается, что подходящие проекты конституции могут обеспечить эффективное ограничение злоупотреблений), мы полагаем, что конституционная инженерия вряд ли в состоянии предотвратить изменения, имеющие место, когда изменяется исторически-институциональное окружение. Порой они не позволяют обеспечить адекватные ограничения в отношении даже существующих установлений. Также иллюзорны надежды на разработку конституций, которые были бы в состоянии зафиксировать границы мероприятий экономической политики. Как показывает история конституционных интерпретаций, верховное законодательство, имеющее существенное моральное содержание, не является здесь исключением.

1.6. Заключительные положения

Итак, мы не намерены отрицать того, что в истории существуют процессы реализации неких реальных причин, процессы, ведомые (или подталкиваемые) невидимой рукой эволюции. Однако мы должны добавить, что это объясняет лишь часть того, что происходит в действительности. В частности, настоящим вызовом для исследователя является не только необходимость установить, каким образом действует эта невидимая рука, или установить, какая разновидность эволюционного процесса имеет место, но также необходимость понять, как изменяются эти механизмы, и как они воздействуют на целесо-

образную деятельность. Ответ, который мы здесь даем, состоит в том, что (а) существенный мотив изменений остается незадействованным до тех пор, пока не начнет трансформироваться историческая обстановка, и (б) хотя экономические взаимодействия на протяжении столетий осуществлялись в соответствии с эволюцией технологических ограничений, данная нам в ощущениях система естественных прав (такая, какой она была определена выше, см. раздел 1.4), в своих базовых свойствах остается неизменной. Отсюда вытекают два следствия. Прагматические институты представляют собой либо инструмент, посредством которого общество решает проблемы, связанные с коллективной деятельностью, дополняющий исторический и технологический инструментарий общества, либо они являются способами создания бюрократической ренты для избранных групп интересов. Более того, кажется, что различные исторические обстоятельства могут порождать различные типы реагирования на ценности свободного рынка. Так, например, когда широко разделяемые фундаментальные принципы, определяющие историко-институциональные механизмы, гласят, что в ряде случаев индивид подчинен воле сообщества или воле его представителей, подход, основанный на ценностях свободного рынка, по определению не имеет смысла. В лучшем случае здесь имеет место вызов, брошенный философу и экономисту, состоящий в необходимости выработки реализуемых и легитимных решений для таких меньшинств (членов данного общества), которые не разделяют этих ценностей.

Иными словами, пока не определены критерии оценки, вопрос о том, что «лучше» — экономика свободного рынка или социалистическая экономика, — превращается в бессмысленные риторические упражнения. Повторим наше утверждение, сделанное ранее: эффективность, измеряемая богатством или валовым внутренним продуктом, не годится на роль такого критерия. Эффективность говорит о результатах, а не о моральных принципах или идеях. Поэтому альтернатива состоит в том, чтобы отказаться от стандарта эффективности («нечто хорошо потому, что оно работает»), заменив его на стандарт справедливости («нечто хорошо потому, что оно не нарушает естественных прав», последние понимаются согласно определению этого выражения, предложенному нами выше). Если это проделать, то может оказаться, что экономическая политика не представляет собой ни социалистической неизбежности, ни табу свободного рынка. Экономическая политика будет, напротив, реалистической перспективой для тех, кто явным образом принимает принуждение в качестве предварительного условия, или угрозой, которую каждый

может избежать путем отказа от нее при минимальных затратах. Если все обстоит так, как мы предлагаем, то можно гарантировать: моделировать меры экономической политики с целью их обсуждения будет настолько сложнее, чем сейчас, что это вряд ли привлечет экономистов мейнстрима. И еще мы считаем, что это единственный способ обеспечить принадлежность нормативной экономической теории к семье общественных наук и единственный способ, позволяющий извлечь ее из пресловутого «ящика с инструментами», который используют ссылающиеся друг на друга технократы.

ГЛАВА 2. О ПРИРОДЕ И ГРАНИЦАХ ЭКОНОМИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

2.1. Задание контекста

Как сказано в предыдущей (вступительной) главе, данная книга посвящена основаниям нормативной экономической теории, т.е. той области экономической науки, которая в течение XX века постепенно превратилась в разрозненный набор продиктованных практическими соображениями рекомендаций по реализации той или иной экономической политики. Эти рекомендации зачастую давались под влиянием краткосрочных целей и в сильнейшей степени испытывали на себе воздействие политических ограничений. Почти всегда соответствующие меры подавались как социальные императивы (априорно «справедливые») и/или как необходимые для достижения разделяемых всеми целей («общее благо»). При этом довольно мало внимания обращалось на логическую непротиворечивость и моральные основания предлагаемых мер. Не внесли значимого вклада в прояснение оснований и легитимности этих социальных императивов и разделяемых целей и профессиональные экономисты-теоретики. Они скорее либо предпочитали концентрироваться на упражнениях со статистикой, имеющих своей целью придать количественную определенность последствиям политических действий, либо учреждали централизованные агентства, призванные обеспечить достижение желаемых целей, поскольку, как предполагалось, индивиды, взаимодействуя на началах спонтанного сотрудничества, не способны их достичь. В результате исследовательские программы в области экономической теории все в большей степени характеризовались неостановимым сползанием к консеквенциализму (который не осознавался как таковой) и механистическому индуктивному методу. К сожалению, в наши дни необходимость достижения целей экономической политики, похоже, в большинстве случаев служит лишь оправданию вмешательства государства в экономику, эффективность применяемых методов обычно базируется на опыте прошлого, а теоретические и методологические вопросы зачастую отодвигаются в сторону, как если бы решения можно было найти, используя изощренные статистические процедуры. Консеквенциализм, как

и индуктивизм, при определенных условиях обладает некоторыми достоинствами — и тот, и другой уместны, когда масштаб их применения подобен щепотке соли. Вместе с тем экономическая теория не всегда ограничивалась социальной инженерией и сценарным моделированием в стиле «что если». Даже сегодня вводные курсы экономической теории часто приводят такое определение этой науки, которое, хотя и оставляет лазейку к позитивизму, не позволяет трактовать экономическую науку ни как нормативную доктрину, ни как собрание методов перелопачивания чисел. Это определение, которое восходит к 1930-м годам, когда Лайонел Роббинс развил догадку, сделанную ранее его наставником Людвигом фон Мизесом, предлагает такую трактовку, которая, как считается, решила вопрос раз и навсегда: «Экономическая наука — это наука, изучающая человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различные употребления» (см. [Robbins, 1932: 15], [Роббинс, 1993, с. 18]). Эта формулировка едва ли может быть подвергнута критике. Безусловно, даже сегодня лишь немногие будут оспаривать тот факт, что экономическая наука занимается человеческой деятельностью и что ее предметом является производство, а также применение и потребление ограниченных благ и услуг.

Однако иногда за простыми историями скрывается нечто более сложное. Ниже мы покажем, что при ближайшем рассмотрении определение Роббинса оказывается несколько дезориентирующим. Это определение не дает удовлетворительного ответа на вопрос о происхождении экономической науки и не обеспечивает вот уже несколько поколений экономистов адекватной методологией, которой можно было бы руководствоваться в экономико-теоретических исследованиях. Несмотря на свою кажущуюся ясность, это определение оставило некоторые важные аспекты затемненными (каковыми они продолжают пребывать и сейчас), что в конечном итоге породило довольно значительную путаницу. Дефекты этого определения стали причиной постоянного беспокойства по поводу природы и границ экономической науки (см. [Buchanan, 1979]), что продолжает порождать важные вопросы, ответы на которые продолжают быть весьма неполными.

Иными словами, слишком узкая трактовка определения Роббинса может обернуться игнорированием того факта, что на протяжении нескольких столетий экономическая теория означала нечто иное по сравнению с тем, чем она считается сегодня. Неспособность понять и принять во внимание причины, обусловившие изменение

отношения к экономической науке, происходившее на протяжении столетий, имела свои последствия, поскольку зачастую эта неспособность воздействовала и на рядовых людей, и на исследователей, заставляя принимать на веру моральные утверждения и аксиоматику (и даже мировоззрение), не являвшиеся самоочевидными, но которые тем не менее сильнейшим образом затрагивали природу деятельности ученого и действия в сфере экономической политики¹.

Итак, в этой главе нас будут интересовать причины, по которым экономическая наука эволюционировала, проделав путь от размышлений над вопросами, которые казались надуманными, к тому, что приобрело статус общественной науки и что в конце концов свелось к тщетным попыткам пробиться в высшую лигу естественных наук, которые единственные полагались «настоящими». Мы покажем, что сегодняшнему состоянию замешательства экономическая наука в значительной степени обязана стремлению экономистов-теоретиков отказаться от изучения человеческой деятельности и взаимодействий людей, пойдя по пути, указанному Огюстом Контом (1798–1857), Леоном Вальрасом (1834–1910) и Густавом Шмоллером (1838–1917), в надежде найти на этом пути универсальные и точные математические законы, отражающие поведение людей в условиях редкости благ. Ниже мы рассмотрим две главные взаимосвязанные цепочки аргументов. Обе они имеют своим предметом сущность экономико-теоретического мышления, и обе они оперируют понятиями человеческой деятельности, с одной стороны, и равновесия — с другой. Мы утверждаем, что экономическая наука началась с изучения человеческой деятельности и взаимодействий людей, каковые деятельность и взаимодействия осуществляются в мире, который, характеризуясь редкостью и наличием коллективного обмена, считался также вписанным в более общий замысел божественной гармонии, или Провидения. Таким образом, человеческая деятельность понималась как усилия по реализации роли человека в контексте естественного (данного Богом) равновесия. Затем мы покажем, как это раннее воззрение стало изменяться — по мере того, как концепция естественно гармонии мало-помалу начала замещаться концепцией равновесия, сотворенного человеком, в рамках которой человеческая деятельность более не была поиском добродетели, не находилась в согласии с божественным замыслом, но, наоборот, представляла собой поиск эффективных (рациональных) решений, имевших целью получение общего блага (искусственного равновесия). Этот шаг стал решающим, поскольку покончил с моральным суждением о человеческом

поведении. Вместо этого деятельность стала оцениваться в зависимости от своей «общественной рациональности», т.е. в зависимости от соответствия коллективному интересу. Как следствие, понятия рациональности и равновесия стали трактоваться так, будто они представляют собой одно и то же². Несмотря на существующие возражения, эта последняя позиция является сегодня преобладающей — она вобрала в себя догадку Лайонела Роббинса и развила ее, придала идее общего блага явную форму, что де-факто трансформировало экономическую науку, превратив ее в набор технических приемов по оптимизации.

В следующем разделе мы ставим своей целью объяснить на базе вышеизложенной точки зрения, по каким причинам экономическая наука от сегодняшнего дня и вплоть до момента, отстоящего от нынешнего примерно на три столетия, не может в полной мере считаться общественной наукой. Разделы 2.3 и 2.4 посвящены постоянно экономической теории в период до маржиналистской революции, причем особый упор будет сделан на важной роли, которую в классической традиции играли холистические построения и понятие естественного равновесия. В разделе 2.5 мы объясним, чем были вызваны перемены в экономической науке в 1870-е гг., как была осуществлена замена понятия естественного равновесия на равновесие, созданное человеком, и какое объяснение эта замена получила в профессиональном сообществе экономистов. Обзор истории идеи равновесия продолжается в разделе 2.6, где мы объясним, почему депрессия и стагнация 1930-х гг. завершились тем, что экономисты посчитали для себя удобным последовать за Кейнсом, который вовсе не был таким радикальным разрушителем устоев, как это обычно считается. В разделе 2.7 мы подытожим наш обзор главных этапов процесса модификации экономической науки в том направлении, которое отвечало конструктивистским амбициям профессии, т.е. обзор этапов эволюции от классического подхода с его концепцией естественного равновесия к маржиналистской революции и, в конечном счете, к предположениям Кейнса о человеческом поведении и его концепции макроэкономических решений, диктуемых этими предположениями. В заключительных разделах (2.8 и 2.9) мы представим текущие дискуссии, значительная часть которых посвящена противостоянию между позитивистским и прагматическим подходами, первый из которых опирается на индуктивные построения и консеквенциализм, а второй — на дедуктивное построение теории, начиная с априорных аксиоматических положений.

2.2. Когда экономическая теория не была общественной наукой

Как было указано выше, прошли тысячелетия, прежде чем систематическое изучение экономических явлений получило статус науки. Конечно, еще в IV до н.э. Ксенофонт уже отмечал важность хорошего управления делами, стимулируемого прибылью и направленного на производство богатства. Как в «Киропедии», так и в «Домострое» он определяет домашнее хозяйство (экономику) как «название некой науки» и даже причисляет ее к таким занятиям, которым монарх может предаваться ежедневно. В его время значимость рациональных методов производства, эффективного управления человеческими ресурсами, аккуратного счетоводства и организации уже были широко признаны. Ксенофонт проводит весьма отчетливое различие между ценой и ценностью, т.е. осознает существование теоретического положения, занимающего центральное место и в современной экономической теории (см. первую главу «Домостроя»). Весьма примечательны и неоднократные попытки этого автора прояснить экономические концепции и описать такие экономические феномены, как разделение труда и связь между специализацией и производительностью. Вместе с тем необходимо отметить, что принимая эти и другие попытки осмысления экономических явлений, Ксенофонт не использует понятий выбора и обмена и не рассматривает их в качестве существенных свойств сообщества людей. В работах Ксенофонта отсутствует систематическое изложение теории общественных взаимодействий в условиях ограничений, накладываемых редкостью³. Вообще, в мире греческой античности назначением социальной общности людей считалось поощрение добродетели, а не богатства⁴.

«Равным образом государство возникает не ради заключения союза в целях предотвращения возможности обид с чьей-либо стороны, также не ради взаимного торгового обмена и услуг. <...> Таким образом, целью государства является благая жизнь, и все упомянутое создается ради этой цели...» [Аристотель, Политика, III. 10, 13.]

Эта ситуация не менялась в течение длительного времени, и определенную ответственность за это несет, вероятно, Аристотель⁵. Хотя римляне понимали экономические явления очень хорошо — включая кредит и функционирование рынка капитала, см. об этом [Temin, 2006] — в христианскую эпоху экономическая деятельность как таковая не была предметом исследований, она скорее служила важным источником греховного поведения. Так, Блаженный

Августин (354–430 гг.), хотя он и считается наиболее важным предвестником субъективизма и правильного понимания предпринимательства (см. [Stark, 2006, pp. 78–80]), проклинал торговлю. Спустя почти девять столетий св. Фома Аквинский (1225–1274 гг.) в своих сочинениях уделил много места понятию собственности и моральным основаниям частной собственности, ключевым концепциям, использование которых является характерной чертой профессиональной экономической науки вплоть до наших дней, но в конце концов св. Фома пришел к заключению, согласно которому главное в частной собственности состоит в том, что она позволяет избегать социальных конфликтов. Более общее утверждение об экономических доктринах Средневековья звучит так: не считая частых попыток увеличить налоговые поступления, необходимые для увеличения численности армий и возведения прекрасных зданий, лица, возглавлявшие политические и социальные структуры Средневековья, обычно не были озабочены размышлениями о последствиях, которые их действия могли бы оказать на экономическую деятельность. Еще менее значимой экономической деятельностью считалась для создания или объяснения институциональных структур⁶. На самом деле, несмотря на наличие свидетельств, указывающих также и на прямо противоположное, как только с принятием христианской религии люди перестали стремиться к античной добродетели, на многие века восторжествовало мнение, согласно которому сообщества формируются и удерживаются вместе для сотрудничества в борьбе против агрессора или для совместного противостояния природным бедствиям. Иными словами, общественное соглашение, заменившее полис, было основано скорее на обороне, чем на торговле или промышленности⁷. Власти, разумеется, были осведомлены о том, что люди вовлечены в экономическую деятельность. Но это побуждало их лишь к надзору за ней — с тем чтобы убедиться, что данная деятельность не противостоит духовной ортодоксии (религии и тем самым морали).

В XI столетии в некоторых регионах Западной Европы начал появляться средний класс, состоявший из торговцев и мелких ремесленников. Этот процесс сопровождался новым отношением к труду, который более не означал чего-то постыдного, а становился признаком христианской добродетели (т.е. теперь добродетель делала легитимным денежное вознаграждение). Однако, как было отмечено выше, купцы по-прежнему вызывали подозрения. Это отношение начало меняться только в XV–XVI вв., когда осуждению перестала подвергаться всякая коммерческая деятельность, и критика сосредото-

точилась на недолжном поведении «плохих» купцов, прегрешения которых состояли либо в том, что они предрасположены к жадности и отказу от благотворительности, либо, что было более широким обвинением, в том, что они предрасположены к разрушению священного порядка этого мира: «Точно так же, как купцы являются одними из лучших членов нашего общества, делая многое для его благосостояния, они могут быть и самыми худшими, если над ними не будет учреждено надлежащего надзора и если их не будут принуждать к поддержанию добрых порядков» (Томас Грешэм, 1560 г., цит. по [Heckscher, 1994, vol. II, p. 320]). Это отношение было характерно и для католической церкви, и для лидеров Реформации⁸.

Вплоть до эпохи распространения кальвинистских и, что более важно, пуританских идей было довольно мало мотивов для того, чтобы воспринимать экономическую компоненту жизни как нечто важное. Жизненный опыт представлял собой нечто статичное, а на саму жизнь часто смотрели под эсхатологическим углом зрения, поскольку она трактовалась как промежуток времени, данный индивиду для приготовления к смерти и достижения спасения, и, соответственно, возможностей осознать собственные земные устремления было значительно меньше, чем в другие эпохи. Как отмечал Тауни, «великий факт социального порядка был усвоен, усвоен во всей его внезапности и жестокости. Они приняли его с изумлением и покорностью, и за редким исключением у них не возникало вопроса о восстановлении того, что было прежде»⁹ (см. [Tawney, 1926, p. 22]). Даже после окончания эпохи Средних веков в общем и целом «ожидания человека на протяжении всей его жизни определялись тем местом в обществе, которое он занимал по факту своего рождения» (см. [Knights, 1937, p. 27]). Экономическая деятельность была необходимым условием выживания как в качестве индивида, так и в качестве члена сообщества (поскольку следствием богатства часто были более широкие возможности по защите от агрессии). Однако в основе экономической деятельности той эпохи лежала мелкая торговля, имевшая местный характер, или деятельность семейных «фирм», основой которых было отдельное семейство и функционирование которых должно было быть вписано в общие правила местного сообщества, ориентированного не на эффективность, а на поддержание стабильности. Более того, для подавляющего большинства населения перспективы и возможности улучшения материального положения были ограниченными: среднегодовые темпы прироста экономики в Западной Европе в 1500–1820 гг. составляли 0,14% (в терминах ВВП на душу населения), что для индивида означало уве-

личение его уровня жизни за 30 лет всего на 4% (данные и расчет см. в [Madison, 2005]). Вариант, при котором человек вместо продолжения того, что он делал, начинал делать что-то иное, рассчитывая на лучшее, сулил слишком малое вознаграждение, тогда как издержки, связанные с тем, что что-то пойдет не так, могли быть чрезвычайно высоки (голодная смерть).

Все вышесказанное не отрицает ни существования также и безличной торговли (т.е. торговли, не ограниченной кругом родственников и соседей), ни наличия капиталистического духа. История полна соответствующих примеров, от итальянского и фламандского Средневековья (XII и XIV вв. соответственно), не говоря уже о возвышении Нидерландов и Англии в XVII столетии. Эти примеры показывают, что капитализм и экономическая деятельность существовали вполне реально даже в те времена, когда преобладала культура, ориентированная на сообщества, а не на отдельных индивидов. Тем не менее повсеместно господствовало убеждение, что обязанности индивида по отношению к сообществу стоят выше его собственных предпочтений, и что производство и обмен, выходящие за пределы того, что необходимо для поддержания личного прожиточного минимума, могут быть оправданы только если они соответствуют целям сообщества. Далеко не случаен тот факт, что экономическая деятельность с большей легкостью вышла на первый план в тех регионах мира, где власть была децентрализована, где было труднее ограничивать мобильность людей и где было сложнее поддерживать фиксированную иерархическую структуру. Принцип, в котором объединяются все эти свойства, называется терпимость, впервые он был реализован на практике в Нидерландах в конце XVI столетия, послуживших предметом подражания в Англии спустя несколько десятилетий. «Прежде всего, веди себя согласно своему роду занятий и не слишком пытайся многое менять. Ибо многих из-за их греховного честолюбия постигала судьба заблудших» (*Fyrste walkein thy vocation, and do not seke thy lotte to change; For through wicked ambition, many mens fortune hath ben straynge*)¹⁰. Таким образом, соответствие предустановленному и священному космическому порядку было едва ли не нормативным требованием. Не имело значения, был ли этот порядок слишком сложным для осознания. Важно было не действовать такими способами, которые могли бы обернуться разрушением этого порядка. Тиллиард (см. [Tillyard, 1943], в особенности главы 2–4) приводит свидетельства в пользу того, что такая забота о божественной гармонии была типична и для Англии XVI в., когда «та часть христианского учения, которая тогда доминирова-

ла, представляла собой вовсе не жизнь Христа, но ортодоксальную схему восстания падших ангелов, сотворения, искушения и падения человека, воплощение, искупление и духовное возрождение посредством Христа» [Tillyard, 1943, p. 26].

Иначе говоря, за примечательным исключением испанских схоластов на континенте и Томаса Мэна и Эдварда Миссельдена в Англии, вплоть до конца XVII столетия экономические вопросы не предполагали необходимости углубленного изучения и адекватного понимания¹¹. Экономическая деятельность трактовалась как данная: ее природа и ее последствия заслуживали должного изучения только с точки зрения морального одобрения и политического контроля. Те, кто имел дело с экономическими явлениями, не видели необходимости в систематическом изучении причинно-следственных связей, посредством которых индивиды побуждаются к обмену и изыскивают способы увеличения своего богатства (или, как сказали бы мы сегодня, удовлетворения своих потребностей). Индивидуальные действия, направленные на улучшение материальных условий жизни, изучались с некоторым опасением — так, как если бы они могли быть источником потенциальных общественных потрясений. Это неудивительно. Как писал Эшплби, имея в виду несколько более широкий контекст: «Понимание того, что экономические отношения представляют собой элемент естественного порядка, опирается на концепцию определенной базовой регулярности, которая делает возможным объяснения и прогнозы. <...> И пока не появились люди, например, такие, как люди шекспировских произведений, т.е. создания, движимые разумом и страстями, или такие, как у авторов Реформации, ведущие сражение между своей „падшей природой“ и „способностью к спасению“, эти объяснения и прогнозы не имели под собой твердого основания, необходимого для того, чтобы на нем утвердился естественный общественный порядок»¹² [Appleby (2004 [1978]: 258)].

В ту эпоху, пожалуй, осуществлялись экономические исследования, но они имели более, если можно так выразиться, технический характер. Они были порождены интересами государства или государя, искавших новые способы увеличения налоговых поступлений и вмешательства в монетарную сферу с целью увеличения сеньоража, который был следствием принуждения к использованию узаконенного средства платежа. Типичными примерами здесь могут служить эксперименты, проводившиеся Жан-Батистом Кольбером и Джоном Ло в правление Людовика XIV и Людовика XV соответственно. Насколько нам известно, после Вестфальского мира (1648)

становилось все более очевидно, что международные отношения, существовавшие в виде отношений между государями, заменяются на отношения между национальными государствами, и войны и военные технологии потребуют финансовых обязательств всей страны, а не только личной казны того, кто в данный момент является монархом. Тогда же быстро становилось очевидным, что сила, необходимая для подчинения подданных и контроля над внутренними неурядицами, зависит от богатства страны, а богатство страны не зависит напрямую от количества доступной земли. Осознание этого обстоятельства также совпало с периодом системного финансового кризиса, поразившего Европу и в особенности Францию, когда в конце XVII столетия правители оказались более не в состоянии прибегать к принудительным займам и конфискациям. Следовательно, все более интересным становилось изучение законов, определяющих операции и трансакции, предполагающие создание и распределение дохода по категориям владельцев ресурсов (земли, сырья, основного капитала), и экономические исследования начали цениться.

2.3. Экономическая наука до маржинализма: естественные законы встречаются с производством

В XVIII столетии господствующая традиция естественного закона столкнулась с необходимостью увеличения производства большего богатства. В сущности, хотя религия явным образом отвергала любое влияние морали на экономическую сферу, большинство «экономистов» были согласны с тем, что наука политической экономии¹³ служит инструментом понимания того, каким образом Провидение и Природа наделили человека ресурсами, которые дают возможность творцам политики преследование общего интереса, понимаемого и в материальном, и в моральном аспектах. Адам Смит продвинул дело дальше, развив утверждение Такера, согласно которому коммерческая деятельность представляет собой часть божьего замысла¹⁴. «Политическая экономия, понимаемая как отрасль знания, необходимая государственному деятелю или законодателю... ставит себе целью обогащение как народа, так и государя» [Smith (1776), 1981, p. 428], [Смит, 2007, с. 419].

И хотя эта точка зрения не слишком отличается от того, в чем видит свое назначение нормативная экономическая наука и сегодня (достижение общих целей), именно в XVIII в. стало очевидно: для

того чтобы помогать государю увеличивать его богатство и власть, усилия должны направляться к открытию вечных (объективных) законов обмена, производства и распределения, определяемых природными явлениями (и схожих с этими законами). В то же самое время делу определения «справедливого» состояния дел и последующему приближению к такому состоянию должны были помочь рассуждения об «инстинктах добродетели» (существовавшая тогда версия закона природы), с тем чтобы распознавать ситуации, когда человеческая иррациональность не позволяет природе следовать своим путем, обеспечивая желаемые результаты. Этот путь, ведущий к цели, должна была указать религия.

«Естественный ход вещей не может быть совершенно изменен его [человека] слабыми силами... религия укрепляет естественное чувство долга. Вследствие этого, глубоко религиозные люди вообще вызывают большее доверие к своей честности» [Smith (1759), 1982, p. 168], [Смит, 1997, с. 170, 172].

Эта установка ученого объясняет, почему классическая традиция не предусматривает существования частных дисциплин, на которые подразделялась бы общая экономическая теория¹⁵: все экономические проблемы по необходимости находят место в терминологической системе общего (естественного) равновесия, поскольку лишь общий подход может позволить формулировать выводы в терминах природных явлений. К тому же поиск общих законов подразумевает необходимость понимать логику (механизм) процессов сельскохозяйственного производства (действие) и торговли (взаимодействие), причем для этого нет необходимости учреждать какую-либо более дробную специализацию. В действительности частные дисциплины приобретают важное значение, только если изучаемые действия (и взаимодействия) относятся к различным сферам, для каждой из которых характерны свои особенности, зачастую имеющие разную природу.

Воззрения XVIII в. проливают свет также и на ту роль, которую играла доктрина *laissez faire*, название которой, хотя и восходит к реакции Тома Лежандра на политику государственного вмешательства Кольбера, но в большей степени отражает настоятельное стремление де Гурнэ, требовавшего, чтобы природе позволили свободно следовать своим путем¹⁶. Заключительное замечание (последнее по порядку, но, возможно, первое по важности) состоит в том, что такой взгляд на равновесие, сложившийся в XVIII в., объясняет, почему экономическая наука и в XIX в. сохранила это понятие (гипотетическое идеальное естественное состояние), и почему

18

при реализации мер экономической политики становились все больше востребованными в качестве необходимых и оправданных такие способы восстановления «стабильности», которые требуют действий по ограничению, исправлению и наказанию в случае отклонения от известного и идеального состояния дел. Иначе говоря, первоначально под равновесием понималось некое естественное состояние человеческих обществ, правила функционирования которых были схожи с законами мира природы (т.е. с законами механики), так что попытки изменить их неизменно вызывали лишь неодобрение. Таким образом, применительно к экономической проблематике естественный порядок (равновесие) представлялся проблемой, имевшей долгосрочное измерение, так что научный интерес по необходимости концентрировался на долгосрочных характеристиках цен и производства, с особым упором на распределение дохода. Последствия этого мировоззрения мы, конечно же, пожинаем и сегодня. Так, например, и классическое, и неоклассическое определение конкуренции базируются на идее статического равновесия, т.е. точки пространства производственных возможностей, в которой показатель богатства достигает максимума. В соответствии с этой идеей фактически никто ни с кем не конкурирует, все занято лишь выживанием, главная цель состоит в том, чтобы избежать убытков, а инновации представляют собой скорее плод инстинктивных действий, чем результат поиска и освоения новых возможностей получения прибыли¹⁷. Эта доктрина также отвергает представление о конкурирующих производителях, стремящихся удовлетворить чьи-то потребности (т.е. спрос покупателей). В действительности эта статичная концепция равновесия представляет собой тот самый принцип, который сегодня вдохновляет деятельность антимонопольных органов, выступающих в одно и то же время регуляторами, судами и исполнителями решений.

Итак, с конца XVII в. и до так называемой маржиналистской революции 1870-х гг. сущность и содержание экономической науки имели в высшей степени стандартизированный облик, так что экономисты представляли собой однородную массу: они имели одинаковую точку зрения на предмет своей науки. Конечной целью экономической теории было понимание правил и последствий взаимодействий, имеющих место между индивидами, а также научение тому, как получить общество, которое работает должным образом¹⁸, а именно в котором обеспечивается стабильность местных сообществ, отличающихся и удерживаемых вместе «приятностью взаимной симпатии»¹⁹, с одной стороны, и в котором обеспечены интере-

сы, материальная выгода и власть политического органа (государя или государства) — с другой. Неудивительно, что в течение столетий в общественных науках равновесие было общепризнанной концепцией. В частности, экономическая наука лишь эпизодически проявляла случайный интерес к индивидуальному поведению и в еще меньшей степени — к личному потреблению. Центральное место — практически до самой середины XIX в. — на сцене науки занимало производство: «Политическая экономия... не занимается вопросами потребления богатства, не считая того, что потребление в ней признается неотделимым от производства или от распределения. Нам неизвестна какая-либо отдельная наука, предметом которой являются законы потребления богатства: возможно, эти законы являются лишь законами человеческого наслаждения. Политическая экономия никогда не рассматривает потребление само по себе, но всегда лишь с целью исследовать, каким образом разные виды потребления влияют на производство и распределение богатства»²⁰.

Разумеется, какие-то различия все же существовали, существовали даже разногласия. Например, Джеймс Стюарт и Адам Смит выдвинули теорию ценности (ошибочную), противостоящую теории ценности Фердинадо Галиани, Этьена де Кандильяка и Анн-Робера Тюрго. Воззрения Давида Юма на деньги отличались от концепции денег Ричарда Кантильона. Сторонники свободной торговли частенько оспаривали утверждения меркантилистов и предлагавшиеся ими эмпирические решения, варьирувавшиеся от страны к стране. Адам Смит и Давид Рикардо считали, что экономический рост представляет собой ценность, тогда как другие экономисты, такие, например, как Джон Стюарт Милль, считали экономический рост неизбежным злом. Разные авторы также рисовали разные картины будущего. Жан-Антуан Кондорсе был довольно оптимистичен, Давид Рикардо предлагал более мрачную перспективу, тогда как Адам Смит и Томас Мальтус часто давали неоднозначные оценки будущего и порой противоречили сами себе²¹.

Однако для наших целей более важно, что эти различия обычно сводились к разнице личных точек зрения, представляя собой не более чем разницу во мнениях, а не несовпадение научных результатов, выработанных разными школами мысли, и не радикально конфликтующие описания человеческой природы и общества²². Иначе говоря, общая цель экономико-теоретического исследования принималась, в сущности, как данная и эволюционировала постепенно, почти неосознанно, почти не встречая открытого несогласия.

Главной причиной, по которой доктринальные конфликты между экономистами-теоретиками отсутствовали, состояла, вероятно, в том, что в течение долгого времени экономическая наука практически не воспринималась как самостоятельная научная дисциплина, о чем мы говорили в предыдущем разделе. Конечно, во все века люди интересовались способами улучшения своего материального положения (или, скорее, способами выживания) посредством преобразования природных и трудовых ресурсов в товары и услуги, которые могли бы быть либо потреблены самими производителями, либо обменены на другие товары и услуги. Однако как раз перед наступлением века Просвещения экономика стала рассматриваться как феномен, порожденный спонтанной человеческой деятельностью и свободным взаимодействием, которые требовали (а) изучения и последующего одобрения «философов» (т.е. духовных авторитетов, вероятно, по соображениям сохранения добродетели души, искушаемой жадностью и роскошью); (б) институционального надзора, если не решительного вмешательства, со стороны государя или церковных иерархов; (в) реализации решений (т.е. принуждения к их выполнению), которые должны были быть приняты судами. Изучение способов, которыми сообщество может мирным путем увеличить свое богатство, вызывало сравнительно небольшой интерес то ли ввиду очевидных пределов этого роста, то ли ввиду отсутствия смысла исследовать величину общественного благосостояния, а не благосостояния тех, кто образует эту социальную общность. Конечно, экономический рост не был совсем оставлен вниманием, иногда он рассматривался как преходящее явление, а иногда как неизбежный продукт «прогресса промышленности», т.е. почти всегда как элемент, который следует принимать во внимание при управлении общественными организациями в их стремлении к намеченным целям²³.

2.4. Наследие классической школы: холизм, междисциплинарный характер, статика

Когда на свет появилась классическая школа (более или менее условно этот момент можно отнести ко времени опубликования «Богатства народов») и на протяжении ее славных дней, продлившихся почти до конца XIX в., наследие прошлого было отброшено или забыто. Преобладающими стали холизм, междисциплинарный характер и дедуктивный подход. Да, это были те самые свойства, которые оказались слабым местом классической школы, когда стало очевид-

ным, что подход, остающийся в рамках классической экономической теории, не способен объяснить, что происходит в реальном мире.

2.4.1. Обольщение холизма

Типичное для мира классического либерализма холистическое мировоззрение берет начало в понимании того обстоятельства, что поскольку экономический контекст представляет собой результат деятельности индивида, то большинство взаимодействий являются результатом инстинктов, которые должны контролироваться и в ряде случаев подавляться ради поддержания добродетели (морали). Считалось, что инстинкты присущи любому человеческому существу, но вместе с тем никто не думал, что их нужно обуздывать неким единообразным образом, одинаковым для всех сообществ, или даже одинаково для всех членов одного и того же сообщества. Весьма спорным здесь, в отличие от Средневековья, является вопрос о том, были эти ожидания, характерные для правящего класса, так же распространены и среди населения. Однако в классическую эпоху, как и в Средние века, предполагалось, что каждый участник сообщества должен соглашаться с предустановленной ролью, являющейся следствием принадлежности к определенному классу по факту рождения, будь то работник, купец, землевладелец или капиталист. Таланты можно было использовать только в рамках заданного социального и культурного контекста, который также определял, до какой степени инстинкты, включая такие имеющие отношение к экономике, как предпринимательский инстинкт или стремление к повышению уровня жизни, подлежат наказанию, сдерживанию, руководству. Иными словами, поведенческие шаблоны устанавливались правилами игры, т.е. формальными и неформальными нормами, характерными для конкретного сообщества или его составляющей части («подсообщество»), такого как семья или гильдия, к которому принадлежал индивид. Со всей реальностью был осознан тот факт, что человек всегда стремится к улучшению материальных условий своей жизни, но, как указывал Адам Смит, желание улучшить свое положение по большей части относилось к личным амбициям человека, состоящим в продвижении вверх по социальной лестнице, с тем чтобы получить публичную оценку и подтверждение своего статуса в сообществе. Одним словом, все нематериальное в конечном счете сводилось к морально приемлемому желанию отличиться.

«В чем состоит зародыш страсти, общей всему человечеству и состоящей в вечном стремлении к улучшению положения, в котором находишься? А в том, чтобы отличиться, обратить на себя внимание, вызвать одобрение, похвалу, сочувствие или получить сопровождающие их выгоды. Главная цель наша состоит в тщеславии, а не в благосостоянии или удовольствии; в основе же тщеславия всегда лежит уверенность быть предметом общего внимания и общего одобрения» ([Smith 1982 [1759]: 50], [Смит, 1997, с. 69–70]).

Эта новая установка не осталась без последствий. В частности, тот факт, что причиной обмена была названа некая инстинктивная человеческая склонность к торговле, а не различия в личных предпочтениях, не позволил сформулировать тезис о взаимной выгоде, которую люди получают от торговли. Адам Смит и авторы классической традиции не сумели понять, что обмен выгоден не только потому, что он позволяет специализироваться, но и потому, что в ходе обмена блага переходят от тех, кто ценит их относительно низко, к тем, кто ставит их относительно высоко. Естественным образом одна ошибка может с легкостью породить другую. Так именно и произошло: не поняв, что обмен основывается на различиях в субъективной природе ценности²⁴, авторы классической школы не сумели осознать слабостей своей трудовой теории ценности, в конце концов, спутав цены и ценность²⁵.

Формулируя более общий вывод, можно сказать, что классическая школа, пытаясь сохранить холизм, соединила концепцию естественного закона с производством, что позволило ей успешно противостоять аргументации в пользу политического вмешательства в экономику. Как отмечал Эпплби, «когда Адам Смит положил в основание автоматических, самоподдерживающихся экономических законов некое базовое свойство человека, состоящее в любви к торговле на деньги и к бартеру, он проигнорировал такое основание экономической деятельности, как стремление человека к улучшению своего материального положения, встав в длинный ряд мыслителей, восходящий к самому началу XVII столетия» (см. [Appleby, (1978) 2004, p. 103]). Но эта путаница предопределила также и другую огромную теоретическую ошибку классической школы. Из-за нее вплоть до конца XIX в. многие авторы (примечательное исключение составляют экономисты так называемой старой исторической школы, лидером которой был Вильгельм Рошер) предпочитали рассматривать экономическую систему в статическом состоянии, в котором инновации и прогресс играли незначительную роль (см. [Ricossa, 1986, p. 77]), предпринимательство практически

отсутствовало и даже рыночная система рассматривалась, скорее, как продукт просвещенного социального инженера, а не как спонтанные взаимодействия индивидов, что соответствовало традиции, которую популяризировал Адам Смит²⁶. Можно лишь гадать, мог ли помочь делу более тщательный анализ фундаментальных свойств западной цивилизации²⁷. Помимо всего прочего, как отмечается в [Vouckaert, 2007], когда появилась западная цивилизация (в эпоху Высокого Средневековья), общество вряд ли могло считаться статичным или спящим. Хотя средневековый уклад жизни был тогда практически повсеместным, в ряде регионов Европы сообщества стремились торговать, приобретали независимость, восставали против агрессии и эксплуатации. Богатство и доход на душу населения росли очень медленно, но не везде эти темпы были пренебрежимо малы. Почему авторы классической школы проигнорировали почти 800 лет усилий, которые предпринимались как на индивидуальном уровне, так и на уровне целых сообществ? Почему они ошиблись в трактовке такого явления, как субъективизм, и упустили из виду его решающий вклад в феномен предпринимательства и рыночных цен (спроса)? Удовлетворительный ответ на эти вопросы потребовал бы отдельной книги, целиком посвященной этой проблеме. Возможно, экономисты были введены в заблуждение скромными материальными результатами этих напряженных многовековых усилий, а именно пренебрежимо малым ростом уровня жизни. Возможно, они слепо следовали за средневековой трудовой теорией ценности, согласно которой цена справедлива, когда она вознаграждает усилия производителя. Это означало, что продавец либо должен получать плату, достаточную для выживания (если продавец является работником или крестьянином), либо его оплата должна быть достаточна для того, чтобы он имел возможность жить в соответствии со своим высоким положением (если он принадлежит к классу землевладельцев). Продавцы, принадлежащие к оставшимся социальным группам (торговая буржуазия), остаются при этом в чистилище серой зоны неопределенности²⁸. Это также означает (и для наших целей это более важно), что понятие личных предпочтений не считалось имеющим отношения к экономико-теоретическому анализу.

Возможно, экономисты пали жертвами плохих историков, поставивших модные идеи, истинность которых была проблематичной, между тем как экономисты принимали их на веру. Среди таких сомнительных идей был созданный деятелями Просвещения XVIII в. для дискредитации церкви миф о средневековом мракобесии, и появившаяся позже, в XIX в., в качестве реакции на Просвещение ле-

генда, придуманная немецкими романтиками, о некоем органичном средневековом сообществе, управлявшимся на основах любви, родственных чувств, гармонии и альтруизма (так называемая община, ее описание см., например, в [Tonnies (1887), 2001]).

2.4.2. *Соблазн индуктивизма*

В течение XIX в. значительно возрос интерес к индуктивным построениям, который стимулировался впечатляющими успехами естественных наук, где систематическое наблюдение над явлениями позволяло выявить в них регулярность, заметить причинно-следственный механизм явлений и объяснить их, сформулировав однозначные законы. Со временем соблазн усматривать механицистские регулярности и в общественных науках стал непреодолимым. Конечно, в то время удовлетворительным процедурам статистического тестирования мешало отсутствие вычислительной техники и достаточно больших массивов данных. Однако погоня экономистов за совершенными моделями началась уже тогда. Если говорить о начале XIX столетия, то именно тогда к экономической теории была добавлена математика — с тем, чтобы преобразовать экономические явления и предпочтения в законы; с тем, чтобы на математическом языке сформулировать экономико-теоретическое положение о существовании равновесия; с тем, чтобы изучить последствия тех или иных мер экономической политики. Разумеется, самые ранние экономико-теоретические тексты не содержали ничего похожего на нынешний уровень формализации, но тем не менее поиск математических законов для описания социального поведения и взаимодействий, начатый Николя-Франсуа Канаром (1750–1838) и Огюсеном Курно (1801–1877), был отмечен и не критически воспринят (см. [Ingrao, Israel, 1987]). А в конце XIX столетия, когда романтизм ослабил свою хватку, а рационализм обернулся сайентизмом, экономическая наука начала приобретать те качества и свойства, которые были явным образом отвергнуты Адамом Смитом: «Человек, пристрастный к системам... полагает, что различными частями общественного организма можно располагать так же свободно, как фигурами на шахматной доске. При этом он забывает, что ходы фигур на шахматной доске зависят единственно от руки, переставляющей их, между тем как в великом движении человеческого общества каждая отдельная часть целого двигается по свойственным ей законам, отличным от движения, сообщаемо-

го им законодателем. Если оба движения совпадают и принимают одинаковое направление, то и развитие всего общественного механизма идет легко, согласно и счастливо. Но если они противоречат друг другу, то развитие оказывается беспорядочным и гибельным и весь общественный механизм приходит вскоре в совершенное расстройство» ([Smith 1982 [1759]: 233–234], [Смит, 1997, с. 231]).

2.5. Субъективистская революция: одно потерял, другое сломалось

Необходимо отметить, что разразившийся в 1870-е гг. кризис классической школы можно было предотвратить, если бы в свое время большее внимание было бы уделено работам Жана-Батиста Сэя (1767–1832), который понимал экономическую науку как логическую последовательность объяснений индивидуальных действий и социальных взаимодействий. Здесь прежде всего нужно упомянуть изложение Сэем системы Адама Смита и его критику воззрений Смита на роль труда, а также сделанное Сэем повторное открытие фигуры предпринимателя (первым о роли предпринимателя написал Ричард Кантильон, он же в своей работе «Опыт о природе торговли вообще», изданной по-французски в 1755 г., ввел термин *entrepreneur*) и его проницательную трактовку процесса производства как процесса, зависящего от непрерывного приобретения знания (см. [Say (1852) 2006]). К сожалению, отход от объективизма классической школы²⁹ и намеченное им введение в теорию предпринимательства не смогли оказать революционизирующего воздействия на экономическую мысль. Объяснить, почему это произошло, не так-то легко. Возможно, что, находясь под влиянием Адама Смита, большинство читателей были убеждены в том, что промышленная революция произошла вследствие значительного увеличения инвестиций в основной капитал и расширения рынков, и обратили мало внимания на развитие предпринимательства и технологические усовершенствования (из этих последних их интересовал только процесс овладения навыками в ходе работ, порождаемый разделением труда). Если бы это было так, то предприниматель Сэя был бы не более чем инструментом, посредством которого могут использоваться существующие технологические возможности, а не тем, кто порождает и продвигает новые возможности (как через несколько десятилетий это прояснили Менгер и Мизес).